

(1) Мой отец и исправник были поражены тем, что нам пришлось переночевать в доме Селивана, которого все в округе считали колдуном и разбойником и который, как мы думали, хотел нас убить и воспользоваться нашими вещами и деньгами...

(2) Кстати, о деньгах. (3) При упоминании о них тётушка сейчас же воскликнула:

– Ах, боже мой! (4) Да где же моя шкатулка?

(5) В самом деле, где же эта шкатулка и лежащие в ней тысячи? (6) Её, представьте себе, не было!

(7) Да, да, её-то одной только и не было ни в комнатах между внесёнными вещами, ни в повозке – словом, нигде... (8) Шкатулка, очевидно, осталась там, на постоялом дворе, и теперь – в руках Селивана...

– (9) Я сейчас скачу, скачу туда... (10) Он, верно, уже скрылся куда-нибудь, но он от меня не уйдёт! – говорил исправник. – (11) Наше счастье, что все знают, что он вор, и все его не любят: его никто не станет скрывать...

(12) Но только исправник опоясался своей саблей, как вдруг в передней послышалось между бывшими там людьми необыкновенное движение, и через порог в залу, где все мы находились, тяжело дыша, вошёл Селиван с тётушкиной шкатулкой в руках.

(13) Все вскочили с мест и остановились как вкопанные.

– (14) Забыли, возьмите, – глухо произнёс Селиван.

(15) Более он ничего сказать не смог, потому что задыхался от непомерно скорой ходьбы и, должно быть, от сильного внутреннего волнения.

(16) Он поставил шкатулку на стол, а сам, никем не прощенный, сел на стул и опустил голову и руки.

(17) Шкатулка была в полной целости. (18) Тётушка сняла с шеи ключик, отперла её и воскликнула:

– Всё, всё как было!

– (19) Сохранно... – тихо молвил Селиван. – (20) Я всё бёг за вами... (21) Хотел догнать... (22)

Простите, что сижу перед вами... (23) Задохнулся.

(24) Отец первый подошёл к нему, обнял его и поцеловал в голову.

(25) Селиван не трогался.

(26) Тётушка вынула из шкатулки две сотенные бумажки и стала давать их ему в руки.

(27) Селиван продолжал сидеть и смотреть, словно ничего не понимал.

– (28) Возьми то, что тебе дают, – сказал исправник.

– (29) За что? (30) Не надо!

– (31) За то, что ты честно сберёг и принёс забытые у тебя деньги.

– (32) А то как же? (33) Разве надо нечестно?

– (34) Ну, ты хороший человек... (35) Ты не подумал утаить чужое.

– (36) Утаить чужое!.. – (37) Селиван покачал головою. – (38) Мне не надо чужого.

(39) И он встал с места, чтобы идти назад к своему опороченному дворишку, но отец его не пустил. (40) Он взял его к себе в кабинет и заперся там с ним на ключ, а потом через час велел запрячь сани и отвезти его домой.

(41) Через день об этом происшествии знали в городе и в округе, а через два дня отец с тётушкой поехали в Кромы и, остановившись у Селивана, пили в его избе чай и оставили его жене тёплую шубу. (42) На обратном пути они опять заехали к нему и ещё привезли ему подарков: чаю, сахару и муки.

(43) Он брал всё вежливо, но неохотно и говорил:

– На что? (44) Ко мне теперь, вот уже три дня, всё стали люди заезжать... (45) Пошёл доход... (46)

Щи варили... (47) Нас не боятся, как прежде боялись.

(48) Когда меня повезли после праздников в пансион, со мною опять была к Селивану посылка. (49) Я пил у него чай и всё смотрел ему в лицо и думал: «Какое у него прекрасное, доброе лицо! (50) Отчего же он мне и другим так долго казался пугалом?»

(51) Эта мысль преследовала меня и не оставляла в покое... (52) Ведь это тот же самый человек, который всем представлялся таким страшным, которого все считали колдуном и злодеем. (53) Отчего же он вдруг стал так хорош и приятен?

(54) В дальнейшие годы моей жизни я сблизился с Селиваном и имел счастье видеть, как он для всех сделался человеком любимым и почитаемым.

(По Н.С. Лескову)